

Утюж І.Г. Контури соціальної сингулярності: існування в розпадаючому стані / І.Г. Утюж // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпряни. – Запоріжжя, 2017. – Вип. 37.- С.112-119.

код УДК 316.4

Утюж І. Г.
доктор філософських наук, професор
зав. кафедрою суспільних дисциплін
Запорізького державного медичного університету

**Контури соціальної сингулярності: існування в
розпадаючому стані**

Анотація

В даній статті аналізуються проблеми суспільства, людини пов'язані з образами майбутнього. Розглядається сучасна ситуація соціального як «розпаду», «предела», «непрерывного прерывания» або сингулярності. В статті сингулярність концептуалізується як символічність індивіда в умовах порядку або квазі-порядка.

Ключові слова: сингулярність, образи майбутнього, радикальна суб'єктивність, глобалізація, індивід, соціальність.

Актуальність теми статті обумовлена тим, що наше суспільство знаходиться в трансформаційному стані, де смислове поле людей уходить в вічні моральні питання буття: «єсть ли справедливість?», «що таке соціальна справедливість?», «можливо ли чекати від когось-то допомоги?». І таких морально-особистісних питань дуже багато і всі вони від історичної пам'яті, від образ, психічних травм, самотності і т. д. Вже людині потрібні форми, моделі ідентифікації, коли йому є чим гордитися, потрібні об'єднуючі моделі.

Об'яснюється це тим, по думці З. Баумана, що «об'єктивний, а частково і невідворотний характер сучасного соціального розвитку,

сопряженного с усилением роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, с нарастанием в обществе неуверенности и неопределенности, с подавлением тех проявлений человеческого духа, которые в прежние эпохи вдохновляли людей к лучшей жизни» [1, с. 4]. И как результат данные обстоятельства порождают ответную, защитную реакцию человека – акцентировать внимание на собственных проблемах, на эволюции предпочтений и целей личности [1].

3. Бауман отмечает, что современное общество вступает в модель индивидуализированного пространства, где «частное» превалирует над «общественным». Личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится уже не столько взаимодействием с обществом, сколько «биографическим разрешением системных противоречий», к возникновению которых он по большей части не имеет никакого отношения.

Индивидуализация – это отрицание форм социального, индивидуализация – это надолго, индивидуализация – это концепт «индивид – одиночка - сингулярность», эпоха мегаструктур закончилась. И что тогда нас ждет? Ведь парадокс и трагедия для современного человека в том, что его «нарциссическое либидо» (Ж. Липовецки) по-прежнему нуждается в Другом. А как отмечает Решетников М. М.: «на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах граждане чувствуют себя все менее защищенными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам европейцев, то получится мягко говоря, малоприятный вывод: государство еще может кого-то наказывать, но в ряде случаев и ситуаций уже почти никого не может защитить, включая депутатов, меров, банкиров, бизнесменов, олигархов, губернаторов...» [2, с.167].

Многие люди никак не ожидали, что им предстоит наблюдать такие изменения человека во времени, словно детство прошло в одном мире, а доживают они в совершенно другом мире других людей.

В данной статье нет смысла обсуждать политическую, экономическую составляющую данной проблемы. Мы как философы должны констатировать, что попытки совершать социальные преобразования на платформе экономизма и политизма терпят крах. Большинство из принимающих стратегические решения все еще не осознают, что люди живут прежде всего в ментальном и духовном мире, в мире индивидуальных особенностей и страстей, а уже затем – в государственном, экономическом, политическом пространстве. Поэтому **цель нашей статьи** – проанализировать современную диалектику личного (частного) и общественного, рассмотреть современную ситуацию социального как «распада», «предела», «непрерывного прерывания» или сингулярности. Попытаться концептуализировать сингулярность как символичность индивида в условиях порядка или квази-порядка.

Проблемой сингулярностей, образов будущего, постчеловечества занималась и занимается плеяда современных западных и отечественных философов, среди них З. Бауман, Ж. Липовецки, М. Фуко, Ж. Бодрийар, Ж. Лиотар, Ж. Деррида, Т. Чеснокова, М. Решетников и многие другие.

Сегодня мы не хотим замечать, что не только на постсоветском пространстве, а и во всем европейском мире наблюдается кризис существующей формы государственной (демократической) власти и ее институтов. Лиотар данную ситуацию называет идейным распадом: «недоверие к метанарративам» и меркантилизация знания. Философ пишет: «Больше не вдохновляет стремление «догнать» Германию, что в общем-то предлагал президент Франции как цель жизни своим соотечественникам. К тому же, может ли это быть целью жизни? Такая цель остается на усмотрение каждого. Каждый предоставлен *сам себе*. И каждый знает, что этого «самому себе» - мало... «Самость» это мало, но она не изолирована, а встраивается в сложную и мобильную, как никогда, ткань отношений. Независимо оттого молодой человек или старый, мужчина или женщина, богатый или бедный,

он всегда оказывается расположенным на "узлах" линий коммуникаций, сколь бы малыми они ни были [3, с. 38].

Ж. Деррида презентует современную реальность как непрерывную деконструкцию [4], отсутствие реального производства, и жизнь в симуляционной реальности, а также имплозия социального – взрыва, обращенного внутрь. «Массы становятся все более плотной сферой, в которую направляется все социальное, чтобы испытать имплозию и раствориться в непрерывном процессе симуляции» (Ж. Бодрийяр) [5, с. 95], и как результат появление феномена квази-социальности (непрерывное хаотическое полилогическое производство виртуальных образов, непредсказуемым образом активизирующихся, воплощающихся в действительности – ризомы (Ж. Делез)) [6].

Люди оказываются в ситуации общества распада (общество постмодерна). Общество в котором отсутствует социальная культура и как отмечает И. Сайтарлы: «Если человеческие отношения, и порождаемые ими ценности, действительно придают смысл современной экзистенции, то возможно, постчеловечество осознает необходимость создания институтов, укрепляющих его совместное бытие, превращая тем самым социальный апокалипсис, выраженный в словах одного отчаявшегося философа «Ад – это другие»» [7].

Но пока, как ни странно современное общество существует, и существование возможно и в распадающемся состоянии, даже достаточно длительное существование. И как отмечает Пилюгина Е., такое состояние «на пределе» обозначается как «непрерывное прерывание», или сингулярность. Обращение к множественности современных стратегий понимания человека подразумевает концептуализацию сингулярности как символичности индивида в порядке или квази-порядке современности. [8]

Необходимо построение проблемного поля и создание соответствующего дискурса, где была бы возможность целостного рассмотрения сингулярности (в качестве сингулярных субъектов может

выступать не только индивид или социальная группа, общность, но и социальный институт, и собственно социальный дискурс, - все то, что способно принимать, производить, транслировать значения [Пилюгина Е. В.]). В нашем исследовании мы обратимся к анализу индивида – сингулярности – одиночки в символическом порядке постиндустриального, постинформационного пространства современной культуры, которую еще также и стало модно называть постсингулярной (и смыслы постсингулярной действительности нам еще предстоит понять и осознать).

Центром внимания проблематики «индивид-одиночка-сингулярность» является корреляция устойчивого-разумного-символического порядка культуры и радикальной субъективности, что развернуто в проективных пространствах социального и индивидуального. Как один из примеров проективного пространства можно презентовать аналитику фрагмента постиндустриального общества, в котором противоречие между ментальными кодами людей индустриального и постиндустриального общества настолько очевидны, что не осмыслять это просто нельзя (это как одна из сингулярностей, которую мы должны преодолеть).

Анализируя постиндустриальное общество, мы четко определяем различие между людьми индустриального и постиндустриального общества в различиях требования к ним со стороны самого общества. Структура психики человека, ее функции не меняются – меняется их содержание. Как отмечает Юрьев А. И., содержание меняется настолько радикально, что человек становится не просто неузнаваемым, а с ним подчас становится невозможным диалог, совместная деятельность, быт. Можно себе представить, если посадить к экрану телевизора наших бабушек рядом с внуками и показать им «секс в большом городе», 15 убийств и насилий каждый день, новости клочками, феноменально пошлую рекламу каждые 10 мин и др. [9].

Люди индустриального века не были простаками и неумехами, как отмечает автор. При этом полет на самолете представлялся подвигом нашим

дедушкам и прадедушкам, ходившим в шторм под парусами, лихим наездникам, охотникам – медвежатникам. Это и есть эффект «потрясенных простых людей». Даже великий физик Резерфорд, столкнувшись с началом квантовой теории Бора, сказал: «Вероятно, процессы в моем мозгу происходят весьма медленно, но я вынужден признаться, что не все и не совсем понимаю...» [9, с. 279]. Сама глобализация – явление, которое поражает воображение индустриального поколения и которого не видят люди постиндустриального поколения. Для них нет проблем.

В нашей реальности проблема и заключается в том, что происходит новый виток глобализации, а исход зависит от удельного веса в стране людей постиндустриального типа. Людей с новой, качественной картиной мира, где они не нуждаются во внешней защите от порнографии, наркотиков, алкоголя, лени. Как пишет Юрьев А. И.: «глобализация – это исчезновение «оградительной цивилизации» и начало «открытой цивилизации», что приведет к исчезновению «человека, коллективно защищенного» и появлению «человека, индивидуально защищающегося» [9, с. 280].

«Человек, индивидуально защищающийся», и есть та сингулярность, которая отказывается играть пассивную роль жертвы глобализации, а самое главное – такой индивид не способен на дискурс, под которым понимается даже не диалог, а полилог, - но не самих субъектов, а тех значений, которые содержат в себе и могут проецировать субъекты.

Поэтому глобализация это не объединение всех государств и народов в единое планетарное образование, а это планетарная интеллектуальная машина, уходящая из под контроля человека. Из-за своей сложности, масштабности глобализация недоступна для «регулирования» или «отключения» силами ни одного, ни группы самых гениальных ученых современности. Поэтому глобализация никому не принадлежит, никому «не повинуется», «живет для себя» и по «своим законам», не принимает во внимание переживания людей и не делит их на своих и чужих.

Подобную ситуацию «современную действительность как сингулярность и совокупность сингулярностей» определяет Ж. Делез. Философ говорит о ведущей роли значений в осуществлении такой действительности (планетарная интеллектуальная машина): бытие есть производство смысла бытия, бесконечное ветвление множества смыслов [6], в результате чего изначальное «пустое место» начинает вдруг циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности начинают «говорить», выражая себя через «говорение», коммуницировать друг с другом [6].

Это коммуникация сингулярностей или способность сингулярностей к коммуникации – «открытость связи несвязности», в результате чего достигается обращенность сингулярных субъектов друг к другу [8]. Под «открытостью» понимается готовность к отношениям, но не сами отношения (вот что имеется ввиду под «открытой цивилизацией», эпоха мегаструктур прошла, пришло время одиночек-сингулярностей).

Пилюгина Е. очень хорошо отмечает и анализирует социальное измерение сингулярности: «В социальном измерении сингулярностью может быть как индивид, так и общность, и даже отдельное проявление социальной жизни. Трансформация социальных элементов в социальные сингулярности происходит посредством их взаимодействия; способом бытия сингулярности является резонансная связь: суть не в самих сингулярностях, а в их связи, интеракции. При этом, сингулярность никогда не является конечным элементом, включая и включаясь в другие сингулярности, составляя конфронтации, или, напротив, синергию с другими сингулярностями. Между сингулярностями не существует иерархии: каждая может, как раковая клетка или вирус, вдруг заполнить собой все социальное пространство и также мгновенно раствориться, но не исчезнуть окончательно. Сингулярности актуализируются и осуществляются в процессе перехода, трансгрессии – индивидуального в социальное, виртуального в реальное, истины в ложь и обратно. Сингулярности предстают как события, источники и результаты событий; «событийность» и «сингулярность» – соизмеримые и реверсивные

понятия. Сингулярности имеют волновой (сериальный), а не корпускулярный характер, то есть, существуют до тех пор, пока развиваются: бессмысленно говорить о событиях прошлого, которые не связаны, не отражаются в настоящем или не проецируются в будущее» [8].

Пример глобализации, как техносферы, заложником которой стал человек. Ведь нынешний этап глобализации связывают с особым моментом в истории, который назвали сингулярностью. Ученые создали техносферу из лучших побуждений, материализуя во благо человека свои открытия в математике, физике, биологии. Фактически глобализация – это совокупная научная идея, самостоятельно живущая в объединенной массе технических и логических устройств, которые обеспечивают жизнь человеческого общества. Эти устройства нельзя остановить, человечество погибнет без них. Получилось так, что несогласованные действия многих поколений технократов создали явление, которое, с одной стороны, освободило человека от голода и непосильного труда, но, с другой стороны, открыло дорогу всем возможным искушениям его плоти и души. Закрывать второе (искушение) – значит уничтожить и первое (достижение).

Глобализацию можно сравнить с информационным климатом планеты, который влияет на организм человека и с ним не поспоришь, и не вступишь в диалог (как с ветром, он везде и он нигде). Глобализация как «мировая паутина» уже приступила к своеобразной «мировой интервенции», а ее результаты поставили под сомнение весь мировой порядок.

О глобализации, как техносфере, как интеллектуальной программе заложником которой стал человек, всерьез заговорили после известной статьи математика Вернера Винджа «Технологическая сингулярность» [10]. А точнее было бы назвать эту статью «Чем грозит человечеству искусственный интеллект». И основной смысл статьи В. Винджа, что технологическая сингулярность эта та граница, за которой человеческого уже не останется. Реальность, которая ждет человечество – РАСЧЕЛОВЕЧЕНА, и все началось с феномена «технократическое мышление».

Итак, что за «болезнь» такая – «технократическое мышление»? Это продолжение дегуманизированных смыслов позитивистской парадигмы во всех сферах деятельности человека. Дегуманизация различных сфер деятельности – это не просто подмена ценностей и этики с аспектами научно-технического прогресса, это разрушение смыслов, уход от разума, этики и морали, это отсутствие сопереживания и сочувствия, это вынесение человека и человеческого «за скобки» - РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ реальности. В этом смысле человек рассматривается как та самая «машина», однако же обладающая интеллектом. Получается, что для технократов искусственный интеллект – то есть система, обладающая интеллектом, но которому совершенно чужды эмоции, чувства и морально-этические нормы, – это просто идеальная картина! Окончательно заменить человека, не просто думающего, но и чувствующего, сопереживающего, имеющего смыслы, также думающей, но с совершенным отсутствием чувств, морали и этики, машиной – вот их мечта. Для них мечта, для меня – метафизическое преступление.

И ведь как это удобно встраивается в постмодернистскую, глобалистскую модель РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ, уничтожения самого понятия «культуры», самого «человека». Что, собственно говоря, происходит? Очередная «перестройка» глобальных масштабов. Раздавливание человека. Развитие не просто научно-техническое, а меняющее самую суть человека, человеческого общества, ведущее не к свободе, а к потребительскому рабству, архаике, «многоэтажности» и жёсткой иерархичности, где нет места гуманизму, Любви, Свободе.

Эта расчеловечивающая сила когда-то создала нацизм и фашизм и пошла уничтожать Человека. Именно она строит общество без «Человека» в метафизическом смысле, общество с искусственным интеллектом. Это и есть настоящие мракобесы, которые забывают хоть иногда смотреться в зеркало. Они даже мысли не допускают об уродстве и какой-то inferнальности всего того, что делают и во что верят.

Итак, мы понимаем, что функции глобализации заключаются в «инвентаризации» всего бытия: изменяется психология, поведение человека, роль и место каждой страны и Украина занимает в этих списках не «первые» места. Именно глобализация выступает в роли модифицирующей системы «человека индустриального» в «человека постиндустриального», и как результат модель индивидуализированного общества. И эта система касается всех элементов политики: науки (биотехнологии, тренд «нестареющие тела» и т. д.), культуры (эстетика потока «шизм и фантазмов»), цивилизации («нарциссическое либидо», возвышение телесного над духовным). Важно рассмотреть все эти элементы самостоятельно и пересекающимися, но это будут темы наших дальнейших статей. Но главное, хотелось бы отметить, что все эти элементы пересекаются только в результате влияния на человека как индивида, где глобальная политика синтезируется и синхронизируется и изменяется в силу интеллектуальных и властных возможностей.

Поэтому в постиндустриальном человеке, подвергающемся фундаментальному давлению изменений в культуре, науке, религии, цивилизации, будет иметь место – его автономность, его самость и самодостаточность, способность самостоятельно, без внешней поддержки противостоять соблазнам глобализации, но и использовать их в своих целях и интересах, подчинить себе, одним словом главным качеством постиндустриального человека должен стать – самоконтроль.

А самоконтроль – это внутренняя дисциплина и она присуща здоровому человеку, со сформированной философской культурой. Ведь здоровье интерпретироваться только с точки зрения медицинских показателей не может. Здоровье имеет экзистенциальную основу – обретение смысла жизни. Ведь смысл жизни определяет систему эталонов образа жизни. Самоконтроль в системе эталонов – это свобода индивида от искушений, ограниченная только возможностями организма.

Таким образом, мы вновь и вновь обращаемся к идее человековедческого образования и воспитания. История показала, что

человек человеком рождается не всегда. Человеческое в человеке нужно формировать прежде всего самому человеку. Философия разума должна вернуться в культуру и цивилизацию, индивид-сингулярность-одиночка не должен позиционировать себя в смыслах «радикальной субъективности».

На наш взгляд, уход от радикальной субъективности – это нахождение символического порядка «Я-Другой». Этот символический порядок можно представить как открытие «нечто» в опыте индивида, что будет коррелироваться с моделью, образом мира. Этим «нечто», как правило, выступает запрет. В социальной культуре запреты передаются новым поколениям с молоком матери и потому человек постоянно находится в конфликтной ситуации разума и чувств. Как отмечает Гегель, конфликт разума и чувств говорит о негативности того, что является запретом, по мнению Гегеля – запрет уже содержит указание на то, что его можно нарушить. По мысли философа выход субъекта за пределы есть движение к подлинной свободе.

Человек может считать себя человеком, когда осознанно принимает запреты как часть своей сущности, через сформированную самость, самодостаточность. Самость, самодостаточность формируются только тогда, когда человек входит в противоречие с запретом, преодолевает его и испытывает тревогу. Именно тревога является инструментом корреляции сценария «Я и Другой». Таким образом мы работаем над собой, это технология формирования личности. Конечно же нужно презентовать технологию социальной культуры: это технология обучения и воспитания – стать человеком. Поэтому главнейшая задача общества, государства, в том, чтобы через институт образования и воспитания помочь индивиду-одиночке стать самостью, развить уровень критического мышления.

СПИСОК ПОСИЛАНЬ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман // Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Решетников М. Неочевидный образ будущего: модель и реальность / М.М. Решетников // Постчеловек. От неандертальца до киборга. Под ред. Чесноковой Т.Ю. М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
3. Лиотар Ж. Состояние постмодерна / Пер. Шматко Н.А. СПб.: Алетейя. 1998., электронная публикация [Режим доступа] http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt_with-big-pictures.html
4. Ж. Деррида Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого — 432 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова] – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
6. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. электронная публикация [Режим доступа] <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000170/>
7. Сайтарлы И. Философия социальной культуры. / Инна Сайтарлы. Монография. – К.: Изд. ПАРАПАН, 2012. – 292 с.
8. Пилюгина Е. Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей, электронная публикация [Режим доступа] <http://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy-totalitarnyh-idey>
9. Юрьев А. Психология постчеловека / А. Юрьев, М. Коновалова // Постчеловек. От неандертальца до киборга. Под ред. Чесноковой Т.Ю. М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
10. Вернор Виндж. Технологическая сингулярность, Компьютера-Онлайн, электронная публикация [Режим доступа] http://royallib.com/read/vindg_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost.html#0

REFERENCES

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / Z. Bauman // Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. – M.: Logos, 2005. – 390 s.
2. Reshetnikov M. Neochevidnyj obraz budushhego: model' i real'nost' / M.M. Reshetnikov // Postchelovek. Ot neandertal'ca do kiborga. Pod red. Chesnokovoj T.Ju. M.: Algoritm, 2008. – 368 s.
3. Liotar Zh. Sostojanie postmoderna / Per. Shmatko N.A. SPb.: Aletejja. 1998., jelektronnaja publikacija [Rezhim dostupa] http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt_with-big-pictures.html
4. Zh. Derrida Pis'mo i razlichie / Per. s franc. A. Garadzhi, V. Lapickogo i S. Fokina. Sost. i obshhaja red. V. Lapickogo — 432 s.
5. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljarii / Zh. Bodrijar; [per. s fr. A. Kachalova] – M.: Izdatel'skij dom «POSTUM», 2015. – 240 s.
6. Deljoz Zh. Logika smysla / Per. s fr. Fuko M. Theatrum philosophicum: Per. s fr. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaja kniga, 1998. jelektronnaja publikacija [Rezhim dostupa] <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000170/>
7. Sajtarly I. Filosofija social'noj kul'tury. / Inna Sajtarly. Monografija. – K.: Izd. PARAPAN, 2012. – 292 s.
8. Piljugina E. Sostojanie postmoderna: singuljarnost' bytija, transparentnost' soznaniya i virusy totalitarnyh idej, jelektornnaja publikacija [Rezhim dostupa] <http://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy-totalitarnyh-idey>
9. Jur'ev A. Psihologija postcheloveka / A. Jur'ev, M. Konovalova // Postchelovek. Ot neandertal'ca do kiborga. Pod red. Chesnokovoj T.Ju. M.: Algoritm, 2008. – 368 s.
10. Vernor Vindzh. Tehnologicheskaja singuljarnost', Komp'jutera-Onlajn, jelektronnaja publikacija [Rezhim dostupa] http://royallib.com/read/vindg_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost.html#0

Утюж І. Г.
доктор філософських наук, професор
завідувач кафедри суспільних дисциплін
Запорізький державний медичний університет

КОНТУРИ СОЦІАЛЬНОЇ СИНГУЛЯРНОСТІ: ІСНУВАННІ В СТАНІ РОЗПАДУ

Анотація

В статті аналізуються проблеми суспільства, людини пов'язані з образами майбутнього. Розглядається сучасна ситуація соціального як «розпаду», «межі», «безперервного переривання» або як сингулярність. У статті феномен сингулярності концептуалізується як символічність індивіда в умовах соціального порядку або квазі-порядку.